

Татьяна
Фадеева

МЕСТЬ ОКЕАНА

Татьяна Фадеева

Месть океана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72542143

SelfPub; 2025

Аннотация

Это рассказ о фантастических чудовищах, и о нас самих. О том, как мы без устали засоряем всё вокруг и искренне удивляемся, когда мусор возвращается к нам с визитом и обещает уничтожить всех.

Месть океана – это всего лишь чек за наши грехи. У океана тоже есть предел терпения. Когда у его Повелителя, существа вроде бы вечного и бесстрастного, рождается ребенок-калека, подводные жители решают: хватит. Они поднимают со дна всё то, что люди щедро бросали вниз десятилетиями, и возвращают хозяевам на берег. Пластик, ржавое железо, покрышки – всё это обрушивается на приморский город.

Но параллельно начинается нечто странное. У людей умирают новорождённые. Врачи разводят руками, учёные спорят. Виноват оказывается микропластик – незаметный, как пыль, но вдруг обретший дурную волю. Он словно оживает и начинает расправу. Он везде – в воде, в пищевых цепях, в крови людей. Когда оживает мусор, умирают дети. Есть ли спасение?

Содержание

Жизнь или смерть?	5
Никто не хотел умирать	7
Боль памяти	9
Встреча с избранницей	11
Рождение наследника	14
Вопль отчаяния	16
Вечер обещал быть томным	17
Что делать?	20
Куда приводить детей?	23
Вопросы без ответов	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Татьяна Фадеева

Месть океана

Что посетит человек, то и пожнёт.

Жизнь или смерть?

В подводном дворце Левиафана атмосфера была накалена до предела. Придворные понимали: если родится здоровый наследник, будет праздник. Если повторится трагедия пятилетней давности, из них просто сделают кушанье для поминального стола.

Витые колонны из черного коралла мерцали бледным светом, который старательно излучали редкие виды сияющих медуз. Все ждали и изредка поглядывали в сторону массивного трона. Там, в тени, возвышался сам Повелитель. Плавники дрожали у всех присутствующих. Для придворной свиты и министров он был не просто правителем, а самой стихией.

Старый Скат-казначей скользил взглядом по массивным лапам Левиафана с перепонками и когтями, похожими на зубренные гарпуны. Казалось, одним движением он может распороть любого, как старую сеть.

Русалки-помощницы, стройные и бледные, украдкой обменивались взглядами: их пугали светящиеся глаза властелина. Они напоминали им маяки, только не те, что ведут корабли в гавань, а те, что зовут на погибель.

Морской окунь, юркий советник по внутренним делам, из всех сил старался казаться невозмутимым, но сам се-

бе признавался: когда Левиафан расправлял свои огромные крылья-плавники, заслоняя собой всё вокруг, казалось, что наступает вечная ночь.

Гигантский Лобстер-юрист всегда позволял себе ехидные реплики, понимая что панцирь защитит его от недружественных нападков коллег. Но теперь он тупо молчал, опустив глаза, и чуть прикрыв их клешнями. Он видел только массивный хвост Повелителя, испещренный шрамами от кораллов и застрявшими кое-где в чешуе обрывками сетей. Люди пытались его поймать, но Левиафан всегда возвращался.

У старого Кальмара-секретаря чернила просачивались сквозь изношенный за годы службы мешок. Такое случалось крайне редко, когда он ощущал чрезмерную опасность.

Даже Угорь – обстоятельный начальник стражи, обычно холодный и молчаливый, скручивался кольцами то в одной, то в другой плоскости, не находя себе места.

Они видели в Левиафане не просто чудовище и не просто царя. Для них он был воплощением самого океана – бесконечного, тяжёлого, неумолимого. И каждый думал: если он захочет, мы все исчезнем, как песчинка в волне.

Никто не хотел умирать

Великий Левиафан восседал на своем троне и старался казаться спокойным. О волнении говорило лишь не всегда ровное дыхание и тщательно скрывааемые вздохи. Его великолепная супруга корчилась в родовых муках уже пять часов.

Придворные знали: если снова родится мёртвый плод, Левиафан сорвет на них свою ярость. Но умирать никто не хотел.

– Может... может, мы предложим ему новое подношение? – шептал Кальмар-секретарь, выпуская тонкую струю чернил.

– Какое подношение? – нервно икнул Морской окунь. – У тебя еще что-то осталось? Мы и так отдали все стаи сельди на его пир.

– А если людей? – прошипел Угорь. – Затопить корабль, принести ему капитана, еще теплого. Пусть его кровь станет жертвой.

– Думаешь, это поможет? – усатый Сом мотнул головой. – Его ярость не насытить.

Каждый думал о побеге. Окунь прикидывал, можно ли уплыть на мелководье и спрятаться среди рифов. Кальмар

рассматривал щели между колонн – вдруг удастся протиснуться? Сом твердил себе, что в мутной реке его не найдут, и надо плыть туда, если что. А Угорь мысленно представлял себе карту узких тёмных тоннелей, которыми славился дворец. Он хорошо знал территорию и думал, по какому пути легче всего будет пробраться к бездне.

Но все знали – от Левиафана не сбежать. Его глаза видят сквозь толщу воды, а уши слышат биение любого сердца. Они тряслись и молча ждали. Ждали, что появится: наследник или приговор.

Боль памяти

Глаза Левиафана были устремлены в сторону покоев супруги. Он уже знал эти звуки – женские крики в муках родов. Слышал их раньше. И слишком хорошо помнил, чем всё тогда закончилось.

Первая его жена – гордая и прекрасная Аквина была гибкой и сильной. Он любил смотреть, как она, приблизившись к поверхности, резко раздвигала свои великолепные плавники-крылья на спине и замирал от восторга, когда она взмывала над толщей океана. Неслась грациозно и стремительно, а потом исчезала в воде, оставляя за собой лишь тонкий пенный след. Она долго вынашивала плод, но, когда пришёл срок, на свет появился безжизненный комок плоти. Не детёныш, а слипшаяся масса, в которой были почти неразличимы ни жабры, ни плавники.

Он помнил, как придворные врачи суеились вокруг. Их было двое: старая морская черепаха-знахарь с глазами мудрыми, как вечность, и молодая русалка-лекарь, тонкая, словно водоросль. Они осторожно говорили Властителю:

– Владыка, это не твоя вина. Это беда всего океана.

Черепаха, которая когда-то помогала появиться на свет самому Властителю, видела его горе. Она пыталась найти слова утешения, но лишь тяжело втянула солёную воду и продолжила:

– Люди льют в океан всё, что становится им не нужно. Воды меняются. К нам летит их мусор и льется ядовитая жижа. Вода теряет целительную силу, тела больше не рожают жизнь, как прежде. Всё чаще появляются на свет малыши, которые не способны жить. Всё нарушено в наших телах...

Русалка подхватила, глядя вниз:

– Пластик – вот главная беда. Как-то я слышала на берегу разговор двух людей. Они говорили, что пластик исчезает сотни лет. Он крошится, распадается, но не уходит. Микропластик – в каждой рыбе, в каждом глотке. Он проникает в кровь, в плоть, даже в зародыши. Он мешает росту, он убивает детей ещё до того, как они рождаются.

Левиафан тогда зарычал, и звук его ярости потряс всю бездну. Но даже он, Властелин морей, был бессилён. Он не мог изгнать яд из воды.

Он помнил, как его первая супруга вскоре после родов утонула, глядя пустыми глазами в темноту. Она не перенесла потери.

И он был бессилён. Великий, гордый и могущественный – он ничего не мог изменить.

Теперь, сидя во дворце и слыша крики своей молодой жены, Левиафан чувствовал, как старый страх поднимается из глубины его памяти. Сможет ли этот плод выжить? Или снова родится безмолвное чудовище, изломанное ядом, что люди щедро дарят океану?

Встреча с избранницей

Когда Аквина умерла, Левиафан долго скитался по бездонным водам океана. Он не знал покоя. Его могучее сердце билось в унисон с бурями, и всякий корабль, оказавшийся на пути, был обречён. Люди гибли сотнями, и никто не мог остановить его гнев.

Мать Левиафана, древняя, как сам океан, – сказала ему однажды:

– Сын мой, какой смысл крушить всё вокруг? Наследник не появится от этого. Ищи новую. Молодую, сильную и здоровую. Другого выхода нет.

Левиафан ушёл в дальние воды. Он пересёк Тихий океан, блуждал у ледяных берегов Антарктиды, заглядывал в огненные расселины у Гавайских островов. Он встречал множество морских красавиц, которые старательно пытались завладеть его вниманием. Но всё было не то.

И лишь однажды, опускаясь в темные глубины возле Марианской впадины, он увидел её.

Лотана была юной и игривой, как весенний прилив. Её тело переливалось серебром, плавники-крылья за спиной сияли под лунным светом над гладью ночного моря. Её смех напоминал тихий звон раковин, а глаза сверкали яснее любой звезды в тёмном небе.

Левиафан впервые за долгие годы замер. Его сердце.

очерстевшее от ярости, вдруг растаяло, как лёд в теплом течении.

С ней он забыл о мести. Целых полгода не поднимал штормов и не топил корабли. Даже ненавистные пароходы с ревушими двигателями проходили мимо невредимыми. Придворные удивлялись: “Владыка стал мягче. Неужели юная Лотана смогла найти ключик к сердцу грозного Властителя?”

Они носились по глубинам океана, не стесняясь своих чувств, давая им волю. Она уводила его к зарослям кораллов, восхищалась стаями светящихся рыб, приглашала потанцевать в потоках течений. Он поначалу оглядывался, надо было убедиться, что их никто не видит. Не хотелось, чтобы придворные стали ехидничать: “Наш грозный Владыка стал мягкотелым” или “Какая-то девчонка вьет из него веревки”.

Убедившись, что вокруг никого нет на многие километры, он танцевал с ней медленные танцы в потоках тихих течений, и еле удерживался в завихрениях могучего Гольфстрима, пытаясь повторить требующие ловкости движения, которым она его учила. Её веселила его неловкость. А он понимал, что может позволить ей делать всё, что она захочет. Грусть покинула его сердце.

Иногда они поднимались ближе к поверхности, и она мечтала вслух:

– Когда-нибудь я подарю тебе малыша. Маленького, красивого. Глаза у него будут сиять, как у тебя. Мы будем лю-

бить его, и весь океан узнает нашу радость.

И Левиафан верил. В его груди рождалась надежда, что на этот раз всё будет иначе.

И вот...

Теперь он сидел в мрачном зале, слушал её крики и боялся. Боялся, что мечта, согревшая его сердце, снова превратится в кошмар.

Рождение наследника

В тишине дворца раздался глухой крик, напомнивший всем гул прибоя. Это кричала супруга Левиафана, изгибаясь, словно её тело рвало изнутри. Вода вокруг помутнела, завихрилась. Рядом с Лотаной стояли две опытные русалки-акушерки, которые помогли появиться на свет бесчисленному множеству потомства морской знати. Плавники царицы разжались, помощницы приняли на руки плод и разом ахнули от ужаса.

Детёныш появился на свет не с торжественным рёвом, а с тихим бульканьем, будто утроба матери не решалась выпустить его в мир. Его тельце казалось слеplенным наспех: плавники – короткие и вяловатые, местами слипшиеся, кожа полупрозрачная, как тонкая плёнка, сквозь которую виднелись пульсирующие жилки. Детёныш пытался разжать маленькие пальчики с острыми коготками, но не мог, перепонки между ними слиплись. Грудь судорожно поднималась и опускалась, словно океан в нём уже задыхался.

Самым страшным были глаза. Один – огромный, сияющий зеленоватым светом, как у его отца Левиафана. Второй – крошечный, болезненно зажатый, но тоже светился, не сдаваясь. В этих глазах было что-то беззащитное и трогательное: уродство не поглотило в нём живое. Он смотрел в этот мир не с яростью, а с мольбой, словно заранее знал – его не

примут. Лотана глянула на малыша и потеряла сознание.

Одна из русалок стремительно выплыла из покоев царицы, приблизилась к Властителю и что-то прошептала ему на ухо. Левиафан застыл, а потом медленно сполз с трона и направился в покои супруги.

Придворные ахнули, заподозрив неладное.

Осьминог-казначей уронил жемчужные счёты, и они рассыпались по полу, издавая звук похоронных колокольчиков. Лобстер прикрыл глаза усами, лишь бы не видеть. Кальмар-секретарь выпустил такое облако чернил, что вся вода в зале стала мутно-серой. А Угорь, начальник стражи, провожая взглядом Властителя, свернулся кольцом, как будто пытался укусить собственный хвост от ужаса.

Вопль отчаяния

Левиафан тихо заплыл в покои царицы. Лотана еще не пришла в себя, над ней хлопотали черепахи-знахарки, пытаясь привести госпожу в чувство. Он приблизился к колыбели, куда уложили новорожденного, взглянул на него и задрожал мелкой дрожью. Он согнул шею, опустил огромную голову ближе к младенцу. Казалось, что исполин не знает, дотронуться ли ему или отвернуться. Он двигался неловко, будто забыл, как управлять своим телом.

Он шевельнул хвостом – и вся толща воды содрогнулась. Но в этих движениях не было силы: только ужас расползлся по телу, как яд. Левиафан разжал пасть, и из неё не вырвался рёв, а лишь хриплый стон. Он не мог позволить себе слабости в присутствии придворных.

Он смотрел на детёныша и понимал: в уродстве этого создания есть отпечаток его собственной крови. И всё же – в блеске глаз, таких же, как у него, – жил отблеск надежды. Пред ним был его сын, его наследник. Но его нельзя было назвать наследником силы.

Левиафан не мог уместить в своём сердце пронизывавший его ужас. Он покинул покои возлюбленной через тайный выход, выплыл из дворца, поднялся над водной гладью и издал вопль отчаяния, в который вместил всю боль несбывшихся надежд.

Вечер обещал быть томным

У костра грелись трое молодых людей. Океан шумел рядом, как собеседник, которого невозможно заглушить. Настасья, невысокая, смуглая, с темными кудрями. Глаза ее постоянно, тревожно всматривались в линию горизонта, где небо, словно соприкасалось с морем:

– Когда мы пытаемся им доказывать, с цифрами в руках, что океан живой, что он гибнет, они повторяют: «Это просто вода и рыба. Вся рыба погибнуть не может. На наш век хватит». Я просто не могу этого слышать! Они как слепые. Вернее, стараются вести себя как слепые. Глаза закрыли и ну доказывать, что все хорошо, все нормально.

– Я недавно ходил к директору компании, главному мусорщику в городе, – подхватил мысль Настасьи Данил – поправив очки, он говорил размеренно и глубоко, словно взвешивал каждую мысль. – Его грузовики высыпают все, что собрано, прямо в реку. Я принес ему данные анализов воды, которые мы делали: вода окисляется, в некоторых зонах кислород почти исчезает. Это же гипоксия, как удушье. Но он даже не стал смотреть бумаги. Он знает, что мне сказал? – Данил попытался передать рассерженную интонацию явно несимпатичного ему человека. – Молодой человек, не мешайте работать! Пришлите бумажку со штрафом, я оплачу.

Данила поддержала Аня, миниатюрная, с короткой стрижкой, ее голос звучал резко, каждое слово – упрёк:

– Просто признать, что океан живой, для них – значит признать ответственность. А этого они не хотят. Вот и твердят одно и то же: «Океан бесконечен, он всё стерпит». Но он не стерпит.

Костёр разгорался все сильнее, сучья бодро потрескивали, выбрасывая вверх потоки ярких искр. Волны тихо накатывали на берег, туристический сезон ещё не начался, вокруг не было ни души.

Неожиданно в морской дали раздался резкий звук, заставивший всех вздрогнуть от страха. Звук был похож на вопль о помощи, наполненный невыразимым отчаянием. Сидящие у костра смотрели друг на друга, силясь понять, что они слышали. Но гипотезу высказать никто не успел. Накатила огромная волна, мгновенно залила костер и облила собеседников с ног до головы.

Молодые люди, не сговариваясь, бросились бежать. Остановились метрах в ста от берега.

– Что это было? – переводя дыхание спросила Настасья.

– Не знаю. Словно какой-то вопль о помощи, – предположил Данил.

– Может, это сам океан кричал? – задумчиво проговорила Аня.

– Ладно, пошли по домам, – предложила Настасья. – Вечер обещал быть томным, но, что-то пошло не так.

Молодые люди договорились встретиться завтра, распрощались и разошлись.

Что делать?

Старый скат проскользнул за Властителем в покои царицы, немедленно вернулся в большой зал и рассказал придворным о том, что увидел.

Все застыли. Ждали довольно долго, Властитель куда-то исчез, но все же вернулся через некоторое время и молча занял свой трон.

Придворные вытолкали вперед старую черепаху, которая славилась своими дипломатическими способностями. Она беспомощно залепетала:

– Ваше Величество... это, возможно, болезнь... временное явление... вода сейчас грязная... может быть, он ещё окрепнет...

Старая каракатица, приближённая к двору, шепнула глубоководному угрю:

– Бедное дитя... оно будет страдать. Не он виноват. Эта грязь, которая вокруг нас. Жабры пухнут, отказываются воду фильтровать.

Молотоголовая акула тяжело вздохнула:

– Если даже у Левиафана рождаются такие младенцы... что ждёт всех нас?

Дворец окутала тишина, которая звучала пронзительнее любого крика. Каждый чувствовал: это не просто личная трагедия Властителя. Это знак. Символ того, что океан забо-

лел, а его болезни теперь живут в крови новых поколений.

Левиафан, повелитель бурь, впервые в жизни почувствовал бессилие. В его глазах сгустился не просто гнев – там заискрилось что-то древнее и холодное, сильное и не дающее надежды на спасение:

– Пусть люди почувствуют нас, – проговорил он голосом, от которого дрожали даже каменные стены дворца. – Не раз. И не шутя. Пусть каждый берег получит то, что он послал в наши глубины.

Это был не пустой рык. Его слова разошлись по воде, как ударная волна: киты услышали, акулы вздрогнули. Придворные скользнули назад под давлением огромной волны, вызванной гневом владыки.

Он встал, и его движение было медленным, как у старика, который несёт тяжёлую ношу воспоминаний. Плавники дёрнулись, хвост сделал отрезвляющий удар.

– Но, – добавил он, и в этом «но» звучала не слабость, а тяжёлая уступка сердцу, – я не отдам своего сына смерти, он не причинил никому зла. Я не хочу, чтобы это дитя было лишь знаменем. Он должен жить. Я приказываю собрать лучших врачей, каких знает океан. Пусть придут к нам старейшие целители: каракатицы-лекари и черепахи-знахари. Пусть придут древние врачеватели из глубинных разломов, что знали травы до людей. Пусть сделают всё, что им под силу.

Через мгновение начали формировать план действий. Гонцы отправлялись по течениям, передавать известие в де-

сятки разных заливов и впадин. Левиафан посмотрел в сторону берега, и в его взгляде была та же непоколебимость:

– Люди должны ответить за свои злодеяния. Они должны перестать убивать океан. Как это сделать? Какие есть мысли?

– Властитель, – несмело проговорила старая черепаха, – а не лучше ли уничтожить их всех и сразу?

– Ты знаешь, как это сделать? – с надеждой спросил Левиафан.

– Я слышала, что когда-то давно, много тысячелетий назад, люди начали бесчинствовать и вызвали ужасный гнев Создателя, Он послал на землю Всемирный потоп. Тогда уцелели лишь немногие, и они долго вели себя достойно.

Глаза Левиафана заискрились зеленоватым светом. Присутствующие с облегчением вздохнули: гнев сменяется на милость. Властитель одобрил идею Старой черепахи:

– Мне нужно подумать, как убедить Создателя. Он любит людей, несмотря на всё то, что они творят.

Левиафан покинул тронный зал, и, как только закрылась дверь в его покои, Придворные дали волю своей радости.

Куда приводить детей?

Дверь в прихожей тихонько отворилась. Доктор Айван точно знал – это вернулась Настасья. Он облегченно вздохнул. Понимал, что дочь уже взрослая, и, наверное, нет смысла каждый день допоздна ждать её возвращения. Но, всё равно делал это. Отцовское сердце успокаивалось только когда она была дома.

Настасья хотела незаметно прошмыгнуть мимо гостиной, где сидел отец. Но строгий голос окликнул ее. Она вошла, Айван ахнул: на дочери был до нитки промокшие джинсы и рубашка.

– Где это тебя так угораздило? Вроде нет дождя на улице.

– Не обращай внимания, случайная волна. Пойду переоденусь, – попыталась завершить разговор Настасья.

– Опять со своими активистами неизвестно чем занималась?

– Известно, чем. Тебе все прекрасно известно.

– Ты уже взрослая, – сказал отец, откинувшись в кресле. – Пора думать о семье. Женихи не будут ждать вечно.

– А я не хочу, – резко ответила дочь, уставившись в окно. – Я не хочу рожать детей в этот мир. В грязь, в вонь, в пластик. Как я могу привести сюда человека?

– А почему твоя подружка Лия хочет? Она уже третьего ждет, недавно приходила в клинику.

– Она еще в школе хотела семью и детей. Это ее выбор. Я так не смогу.

Отец вздохнул, но она не дала ему заговорить:

– Папа! Когда мы с ребятами спускаемся по берегу реки, куда сбрасывают мусор, видим – это кладбище человеческих отходов. Пакеты, как обрывки мёртвой кожи, цепляются за ветви кустов. Из песка торчат осколки бутылок, они мне напоминают стеклянные кости. Мы вытаскивали чёрные пакеты, в которых кишели черви, – запах такой, что дышать нельзя. А однажды нашли целый мешок с детскими игрушками: плюшевый медвежонок, облепленный плесенью, глаза его стеклянные, пустые. Я до сих пор не могу забыть это. Ужас просыпается внутри, когда понимаешь – мы задыхаемся в том, что сами бросаем.

Она замолчала. В комнате повисла тишина. Доктор Айван нахмурился и потёр лоб, у него заболела голова.

– Люди гадили и будут гадить. Ты не перевернешь мир теми мешками с мусором, которые вы собираете. И река далеко от нас... В городе ведь чисто.

– Ты знаешь только дорогу из дома в клинику. Вот тебе и кажется, что все чисто. Я не смогу так: замуж, дети, новые диваны. И при этом знать, что рядом творится кошмар.

– Ты гонишься за иллюзией, будто сможешь почистить мир. Это свойственно молодости, но это пройдет. И время летит очень быстро. Может наступить момент, когда ты согласишься в зеркало и увидишь там старушку... Одинокую

старушку.

– Папа! Если я брошу заниматься этим, мир точно не поменяется. А до седых волос у меня еще есть время.

Отец тяжело вздохнул. В комнате воцарилось молчание, наполненное тревогой и чем-то невыразимо хрупким, будто и правда решался вопрос будущего.

– Спокойной ночи, папа.

– И тебе! Прими горячий душ, а то заболеешь.

– Не надо ждать меня по ночам. Я не маленькая. И не старушка пока, – хихикнула Настасья. – Мне решать, что делать.

– Возвращайся пораньше, если хочешь, чтобы папа выспался ночью.

Настасья покачала головой, поцеловала отца и исчезла за дверью.

Доктор Айван так и остался сидеть, удрученный не столько мыслями о будущем дочери, сколько событиями, которые происходили в клинике, где он работал.

Вопросы без ответов

Почему младенцы умирают? Это вопрос стучал в голове Айвана, как отбойный молоток. Он не мог найти ответ на него. И не мог даже предположить, почему в последние дни творился такой ужас. Он не знал, что сказать рыдающим матерям, потерявших своих детей. Как сказать правду: легкие вашего малыша стали пластмассовыми, и он не смог дышать. Но это же абсурд, в который никто не поверит!

Несколько дней в клинке появлялись на свет дети, которые умирали через несколько часов. Ребёнок рождался, раздавался его первый крик, но буквально через пару часов младенец задыхался. Попытки проводить реанимационные мероприятия заканчивались одним и тем же: новорожденные умирали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.